

ДЖАЗ ГОРЯЩЕГО ТАНКИСТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Марк Орлов

18+

Марк Орлов

Джаз горящего танкиста

«Автор»

2026

Орлов М.

Джаз горящего танкиста / М. Орлов — «Автор», 2026

Танк Т-72, подбитый под Сумами. Пылающий люк. Правая нога, превратившаяся в факел. Капитан Александр Ветров выжил там, где выживать не должен был. Его вытащили из горящей машины, ампутировали конечность — и предоставили самому себе. Но настоящая война началась после госпиталя. Измена жены, судебные иски, потеря авторских прав на собственные книги. Ветров оказывается человеком, у которого отняли не только прошлое, но и будущее. Единственный союзник в этой новой войне — экспериментальный ИИ-помощник Гек. Нахальный босоногий оруженосец из виртуального средневекового замка, который разговаривает матом и никогда не врёт. Вместе с ним герой погружается в киберпанк-вселенную «Терра» — мрачное цифровое измерение, где за доступ к информации платят криптовалютой и рискуют собственной психикой. Фантастический роман о том, как не сгореть во второй раз. Финал заставляет перечитать первые главы заново.

© Орлов М., 2026

© Автор, 2026

Марк Орлов

Джаз горящего танкиста

Глава 1

Тяжелые капли дождя монотонно барабанили по крыше, создавая убаюкивающий шум, под который так приятно засыпать, а особенно просыпаться поздним воскресным утром, когда знаешь, что вчера ты хорошо поработал и сегодня ничего делать не нужно. Можешь понежиться в кровати хоть до обеда, а потом неторопливо встать, для проформы сделать пару разминочных упражнений, подойти к окну, распахнуть его, впуская свежий морозный воздух в спальню, достать сигарету, закурить, ни о чем не думая, созерцая танец лениво искрящихся одиноких снежинок.

Мне снился очень хороший сон, в котором не нужно было никуда торопиться и где шум дождя прекрасно уживался со снежинками за окном. Единственная проблема: правая нога лежала невыносимо неудобно, зажата холодным баллоном пожарного оборудования. В принципе, я ее уже практически не чувствовал — затекла намертво, зараза. Сколько я проспал? Час, два?

Танк Т-72 — не самое комфортное место для ночевки. Еще в Казанском училище мы, будучи курсантами, пытались найти сносную схему ночевки на командирском месте.

В целом, если снять спинку кресла и положить ее как продолжение сидухи, получается подобие убогой короткой кровати. Сверху кидаешь бушлат, под голову — ботинки, а на обувь — подушку. Вылезает из люка, забираешься в спальник и заныряешься обратно в танк уже в спальнике. Если лежать только на левом боку, то теоретически можно неплохо выспаться, даже сны могут присниться хорошие.

Огромные сосны... Редкие, разлапистые, твердо стоящие на промерзшей земле. Кое-где светятся одинокие березки. Будто их специально поставили, как свечи, чтобы не так было сумрачно. А наш взвод ждет, притаившись, в кустах на краю разбитой дороги. Хорошо, что ночью прошел густой, пушистый снег, танки припорошены им, словно саванном, сливаются с белым светом полей и лесов. Где-то там, всего в десяти километрах от нас, настороженно замер город Сумы. В СССР там находилось легендарное Сумское артиллерийское училище — готовило самоходчиков, элиту среди артиллеристов. Теперь мы бьем, перемалываем своими гусеницами украинскую бронетанковую элиту, воюющую против нас на «Леопардах», «Абрамсах», что от своих щедрот насыпала Европа.

Мои танки притаились подобно насупившимся носорогам, чтобы по команде прорваться через заснеженное поле, помочь пехоте зачистить опорники хохлов. д.

Я командир танкового взвода Александр Ветров, позывной — Ветер, и на этой войне я с первого дня. Поменял пять машин, три экипажа. В ноге, где-то под коленным суставом глубоко сидит корявый осколок от мины. Я очень устал, что это за жизнь, когда за четыре года в отпуске был только раз. Сейчас бы к семье, к родителям, под Тверь, в жаркую отцовскую баню, а не вот это все. Но кто тогда направит закованных в броню носорогов, через поле, чтобы дать шанс русской пехоте добраться до переднего края? Хотя какой там противник? Загнанные в окопы мобилизованные ТЦК, изможденные пенсионеры, обозленные работяги, больные, искалеченные судьбой. Они — для всех пушечное мясо. А вот дальше, в поселке, сидят уже отборные кадровые части, злые и мотивированные. И даже, говорят разведчики, где-то там нас поджидает затаившаяся пара «Абрамсов». Горят прекрасно, даже лучше немецких «Леопардов», и британских «Челленджеров».

Экипаж не спал. Механик с наводчиком приглушенно спорили о преимуществах воблера над «колебалками» при ловле щуки. Хотелось выбраться из танка, потянуться, обтереть

лицо колючим свежим снежком, да хотя бы справить малую нужду. А нельзя — всевидящие «птички» не спят, вмиг срисуют. Но на этот случай всегда с собой заветная пластиковая бутылка с широким горлышком.

Время! Взвод, тяжело лязгнув гусеницами, сбросил с приваренных «мангалов» намерзший лед и выдвинулся к первому ориентиру — искореженному подбитому БМП на краю поля. Встали.

— Командир, — сухо щелкнуло в шлемофоне от «десятки», танка, который должен был пойти первым.

— Слушаю.

— Командир, ни хрена не видно...

— Что не видно? — не понял я.

— Следов «Кракена».

Твою ж мать. Я понял: вчера вечером перед нами по полю прошел «Кракен» — танк с громоздким катковым тралом. Саперы сказали, что аж до самых окопов хохлов он добрался. А теперь? А теперь свежий снег всё припорошил. Колея угадывается, да еле-еле. Заход флажками помечен, а дальше... А в бою, на скорости, впереди сплошное минное поле — машины потеряем с высокой вероятностью.

— Командир, — тревожно прервал размышления мой наводчик, — пехота пошла.

Танки действуют не в одиночку, а в теснейшем взаимодействии с пехотой, артиллерией, средствами радиоэлектронной борьбы и комплексами прикрытия от беспилотников. Пехота прикрывает танк от ближних угроз, средства РЭБ подавляют каналы управления дронами, артиллерия и авиация подавляют противотанковые средства противника.

Нельзя стоять. Ах, Богу твою ж мать! Вперед, вперед! У нас приказ: бронегруппой потихоньку закатиться в населенный пункт и взять его.

Потихоньку не получилось. Прошли по ниточке, и таки потеряли последний танк в середине поля. Вот она, слепая судьба, два танка прошло, а третий на полметра дернулся с колеи в сторону — взрыв противотанковой мины и мои ребятки «разулись». Да главное — живы. А мы — только вперед!

Пока летели вперед, подбитая «четверка» поливала опорники хохлов из чего только можно, принимая на себя рой дронов, которые должны были лететь в нас. На чистом адреналине залетели в деревеньку, и вот она, разбитая дорога асфальтированная, а первая линия окопов уже позади нас.

Да хоть и быстро мы заскочили, а толку, противник перекрыл дорогу минами в четыре ряда, такой минный шлагбаум. Я кричу механику, чтобы тормозил, да он и сам уже все сделал. Считаем два ряда из пулемета

Остановились, наверное, метрах в тридцати от этих смертоносных мин. Придумали их расстрелять из пулемета. Успели снять два с половиной ряда. Эх, моя ошибка — нельзя в бою стоять на месте, застывший танк — приглашение для удара. Вначале «мангал» принял на себя два жужжащих ударных дрона, да мы к ним привычно. Командую вправо, сносим убогий домишко у дороги и вперед, вперед... Снесли ветхий колодец, покосившуюся скамейку рядом с ним и тут... тут меня подбили. Глухо бахнуло сверху по люку, а потом второй раз.

Мерзкий гул в голове, острая боль в ушах... Экипаж не понял ничего, только наводчик что-то бессвязно бормочет:

— Командир, командир, в триплексе всё черное, черное всё...связи нет.

Связь заработала. Бодрый голос как-то радостно сообщил, что, мол, все приехали, мы горим, машина в огне. Я не поверил. Командую механику-водителю завести танк — нет эффекта. Попробовал открыть люк, и тут же кисть лизнул ярко-оранжевый, жаркий язык пламени. Реально горим. Выбраться нужно из родной ласточки. А как?

Механика-водителя придавило пушкой, которая осталась в опущенном положении, но он хоть мог вывалиться наружу через нижний люк. А наводчику выбраться мешал тяжелый казенник.

А сверху расплавленный пожаром раскалившийся люк уже норовил за шиворот капнуть горячей пластмассой.

— Вася, вылезай к едрене фене из танка! — ору механику.

— Я без вас не пойду! — орет тот, упрямый дебил.

— Вася, это приказ! Пусть один, но останется в живых!

А тот матом меня посылает в пеший поход. Да я бы и пошел, если бы мог. А Вася вопит и что-то там с нашей «ласточкой» колдует — и таки завел, завел красавчик раненую красотку. Уже потом, рассказывая эту историю своим учителям из училища, видел я расширенные от удивления глаза и категоричное: «Невозможно, должна была сработать защита. Завести машину в этом случае нельзя».

Так это по учебникам нельзя. А если к ней с любовью да лаской — она же слышит и поможет, родимая. А может, помощь Божья нам помогла. Горели мы знатно, нас поэтому и не добивали.

А в башне уже ничего не видно. Едкий дым режет глаза, дерет легкие до крови. Плюешь в ворот свитера, натягиваешь на нос, чтобы было чуть полегче — и идем, летим назад, подальше от негостеприимного поселка, бушующее пламя сбиваем, все хорошо... И тут я потерял сознание. Причем не сразу, а как-то постепенно, как будто черный, липкий туман на тебя опустился. Всё слышишь, всё чувствуешь, а ничего не видишь, хотя глаза открыты.

А потом — раз! — и ослепительный свет. И я понимаю, что тащат меня от нашей «ласточки», а правая нога моя весело так горит, от кончика ботинка до колена. И я ее не чувствую, не могу двинуть, а вот вдыхать тошнотворный запах жареного мяса могу. А потом оглушительно грохнул боекомплект в танке, и нога потухла сразу — вместе со всем белым светом. Где-то в глубине, там, где сознание уже цеплялось за последнюю ниточку, мелькнуло то самое воскресное утро. Дождь. Снежинки за окном. Сигарета. И никуда не надо

Глава 2.

Голос сверху, звучал так, словно принадлежал бездушному несмазанному механизму: «Ожоги правой конечности 3–4 степени, ожоги тела 2–3 степени, подозрение на перелом позвоночника, баротравма, отравление продуктами горения, осколочное ранение грудной клетки...» Голос что-то монотонно бубнил, перечисляя повреждения, явно несовместимые с моей жизнью. Слушать его не хотелось, и черная бездна заботливо раскрыла передо мной свои прохладные глубины, и голос затих.

Когда я открыл глаза... Это было похоже на старый, черно-белый фильм о танках Великой Отечественной войны, когда смотришь на мир через узкую, прорезную смотровую щель, закрывающуюся во время боя тяжелой бронезадвижкой. Голова была замотана от темечка до подбородка, туго, слоями, хорошо хоть крошечные дырки для глаз оставили.

Рядом с кроватью сидела и в упор смотрела на меня хрупкая девочка лет шестнадцати - семнадцати. Она была тоненькая, но в ней чувствовалась та особенная, пружинистая собранность, какая бывает у гимнасток — сидя на высоком, шатком табурете, она держала спину так, будто несла на голове невидимый кувшин. Светлые, льняные волосы вились надо лбом мелкими, тугими кольцами, и в этих кольцах запутался больничный, безнадежный полумрак, отчего казалось, что волосы светятся сами по себе — мягким, живым светом.

Когда она заметила, что я смотрю, она подалась вперед, порывисто, испуганно, как будто ее толкнули в спину, и опять замерла... У нее были глаза того редкого серо-синего цвета, какой бывает у моря перед рассветом, когда еще не видно, что там под гладкой, зеркальной поверхностью — белый чистый песок или острые, рваные камни рифов. И в этих глазах сейчас плескалось столько всего сразу, что у меня закружилась голова — детская тревога, усталость, какая-то щемящая, безымянная нежность и еще что-то, чему я пока не знал названия, но отчего внутри, там, где кончались ожоги и начиналась живая, больная плоть, сделалось вдруг тепло, и появилась тихая, упрямая вера. Вера во что-то большое и справедливое, что поднимает людей на баррикады, что создает смыслы в твоей жизни и в твоей смерти.

— Ты очнулся? — спросила она испуганным шепотом.

Я сказал: «Да» — и потерял сознание.

Когда я вновь открыл глаза, девочки рядом со мной не было. Я с трудом приподнял тяжелую, ватную голову, чтобы осмотреться вокруг. Руки, ноги, тело меня не слушались — лежали мертвым грузом. Правая нога, оставшаяся в памяти пылающим факелом, ощущалась через онемевшие кончики пальцев: казалось, что в каждый из них, а особенно в пятку, вкрутили по раскаленному шурупу, медленно, неумолимо распирающему кость. Единственное, что ставило меня в тупик: под темно-синим шерстяным казенным одеялом контуры правой ноги не просматривались, как будто ноги не было. А ощущение гвоздя в пятке — было.

На соседней койке лежал собрат по несчастью с ампутированной правой кистью. Я это понял по пустой, беспомощно болтающейся пустоте рукава — самой культи я не увидел.

В палате стояло десять коек, и практически все они были заняты молодыми, изломанными парнями с оторванными конечностями. У одного раненого были ампутированы обе ноги до середины бедра и левая рука по плечо. Он напомнил мне какое-то фантастическое, беспомощное существо из фильма ужасов, которое передвигало свою тушку только с помощью одной искривленной конечности.

— Слушай, — спросил я у соседа нерешительно, — я давече девочку видел возле своей кровати. Она была или это наркотические последствия наркоза?

— Девчонка, светленькая такая? Была, из волонтерской команды, дочка одного из волонтеров. Ты ей теперь по гроб жизни обязан.

— Это еще почему?

— Нас с тобой вместе в приемное отделение привезли. И если я в сознании был, то ты только хрипел и издавал вот такие жуткие звуки, — сосед попробовал изобразить хрюканье вперемежку со скрипом несмазанной тележной оси. Звучало страшно! — Тебя как безнадежного определили, хотели вколоть промедол и отправить на площадку умирающих. А эта девчонка в дежурного врача вцепилась, висит на руке и причитает: «Давайте лечите, давайте лечите капитана». А врач на нее матом орет: «Мол, уберите посторонних с приемного покоя!» А она в ответ: «Я не посторонняя, мы вам лекарства привозим, ему плохо, его лечить надо!» А дежурный: «Нет смысла его лечить, он уже не жилец, у него агональное состояние». Та рыдает, сопلي на кулак наматывает, но врача не отпускает. Не знаю, чем ты ей приглянулся, часом не родственник?

Я покачал головой:

— Нет. Но каких-то волонтеров мы месяц назад на танке на полигоне катали. Может, и знакомая, только не помню.

— Так это понятно, ты сейчас и мать родную не узнаешь, — сочувственно, устало согласился раненый. — Ничего, еще придет, поблаговаришь свою спасительницу. У меня уже третье ранение. Два предыдущих раза пытался комиссоваться, так указ президента... Говорят, что тебя могут уволить, если врачебная комиссия даст заключение, что не годен, и поставит заветную «красную печать». Но в военное время – раненый неопределенно помотал головой

— Подумаешь, у тебя половина легкого удалено, так никто тебя по окопам бегать не заставляет, будешь на блокпостах сидеть. Вот я руку потерял, но даже в таком виде я нужен государству. Прямо гордость за себя берет, насколько я ценный кадр... Суки... Три рапорта подал на увольнение — ан нет, без тебя армия никак супостата не одолеет.

Раненый длинно, смачно выругался в адрес ВВК, указов, законов и отцов командиров.

— Постой, — ошарашенно спросил я. — Ты ее не сейчас потерял? Похоже, ты не очень переживаешь из-за потерянной руки, раз командование собачишь, — не удержался я от злой подколки.

Но раненый сразу понял причину моих слов и мои глухие, животные страхи.

— Не дрейфь, солжера! Подумаешь, ногу потерял или руку. Сейчас это вопрос технологий. Тут такие протезы делают — конечности лучше, чем матушка-природа тебе при рождении дала. Хочешь — бегай, хочешь — по скалам лазай. Сломался шарнир — новый поставил. Баб, правда, с одной ногой трахать неудобно, сразу ряд интересных поз выпадает. Но если у тебя есть хотя бы одна целая рука — альтернативой ты обеспечен... Ха-ха-ха!

Раненый так заразительно, по-молодому рассмеялся над своей солдатской шуткой, что я невольно улыбнулся тоже. Но в голове бродила неприкаянно, липко подлая мысль: «Протезы — это здорово, а что со мной будет, если у меня перелом позвоночника? Тут уж никакой экзоскелет не поможет».

Сосед еще что-то говорил, но я уже не слушал. Давящий шум в ушах нарастал, и сквозь него пробивался только звук механического голоса: «Ожоги правой конечности 3–4 степени...» Правая конечность. Теперь я знал, что это значило. Нет конечности. Нет конечности.

Я закрыл глаза. Попробовал пошевелить пальцами на правой ноге. Приказ из мозга ушел, как положено, по нервам, добрался до пальцев, те послушно, механически зашевелились, вызывая новый приступ чудовищной, нечеловеческой боли. И одновременно с этим — острая, рвущая боль в пятке, тот самый шуруп, который кто-то невидимый все глубже вкручивал в кость.

— Твою мать, — вымученно выдохнул я.

— Чего? — сосед повернул голову.

— Ничего. Болит.

— Где?

— Где ноги нет, там и болит.

Он понимающе хмыкнул. Сел на койке и посмотрел на меня с тем особенным, непередаваемым выражением, какое бывает только у людей, которые уже прошли свой путь, но рассказать о нем следующему не могут, ибо нет слов, что могут передать твой выстраданный опыт мучений.

— Фантомка, — сказал он. — Привыкнешь. У меня рука полгода как отсутствует, а я до сих пор иногда просыпаюсь и чувствую, как несуществующий кулак сжимается. Чесаться начинает между пальцев, а почесать нечего. Иной раз так бесит, что готов стену головой пробить. Руку, точнее кисть, я потерял еще в прошлом году, а здесь из-за взрыва газового баллона. Солдаты, долбоящеры, не досмотрели. Пожар в гараже. Я бросился технику спасать, две

машины вывел, а потом баллон рванул. Осколок в бедро прилетел. Может, хоть теперь комиссуют. — Раненый задумчиво, тоскливо посмотрел в грязный-белый госпитальный потолок.

— И что ты делаешь, когда чешется?

— А ничего. Лежу, жду, пока само пройдет. Проходит. Организм — дурак. Он не сразу понимает, что руки больше нет. Ему объяснять надо. Долго и терпеливо.

Я отвернулся к стене. К стене — это громко сказано. Повернул тяжелую голову на неудобной плоской подушке и уперся взглядом в казенную тумбочку, на которой стоял пластмассовый поильник и лежал чей-то замусоленный журнал. На обложке улыбалась накрашенная девушка в ярком купальнике. Зубы белые, голливудские, волосы длинные, шелковистые, счастье ненастоящее, глянцевого. Я смотрел на нее и пытался вспомнить, каково это — хотеть женщину. Не получалось. Вместо желания внутри была только пустота, выжженная, как черная лесополоса после артобстрела.

Дальше пошла череда дней, которые я не считал. Их считали за меня медсестры, терпеливо ставившие уколы, врачи, озабоченно заглядывавшие в карту, санитарки, равнодушно менявшие пропитанное потом и мочой белье. Иногда я проваливался в кошмарный сон, иногда в мутное забытие, иногда просто в темноту с открытыми глазами.

Помните мемасики в контакте про то, как люди воспринимают кардинальные изменения в своей жизни, что всё начинается с отрицания? Не врут мемасики, всё верно!

Я отрицал ранение. Отрицал отсутствие ноги. Отрицал, что всё это надолго, а точнее — навсегда. Я искренне, по-детски верил, что вот-вот, неделя — и мой спинной мозг заработает, и я почувствую, что у меня есть член, а на заднице вскочил прыщик, что всё это закончится максимум через месяц, и я вернусь к своим парням, к нашей «ласточке» и вновь вдохну полной грудью пьянящий запах солянки и горьких пороховых газов. Легкие были со мной не согласны и отвечали кровавым, надрывным кашлем и густой мокротой с прожилками чего-то зеленого, чужеродного. Одна радость — курить не хотелось от слова совсем.

Потом пришла злость. На второй неделе после того, как я очнулся, попытался сам дотянуться до поильника и не смог. Я упал затылком на подушку и зарычал. По-звериному, глухо и страшно. Подбежала испуганная медсестра, что-то говорила, пыталась понять, что случилось, как она может помочь. Я отмахнулся и ударил сжатым кулаком по кровати так, что жесткие пружины загудели.

— Пошла вон, — сказал я глухим, чужим голосом. — Все пошли вон. Все вы идите вон из моей жизни.

Она ушла. Пришел врач с серым, землистым от усталости лицом, сделал укол. Я провалился в беспамятство, а когда очнулся, понял: злость никуда не делась, она просто затаилась.

На кого я злился? На всех. На хохлов, которые подбили мой танк. На девчонку, которая спасла, — зачем спасла, чтобы вот это вот? На себя — больше всего на себя. Потому что сам виноват: не туда пошел, долго стоял, не уберег машину, долго выбирался из танка.

Сосед по палате, которого звали Сергей, однажды спросил:

— Ты на меня злишься, что ли?

— Нет, — буркнул я.

— Злишься, — усмехнулся он. — Я ж вижу. Ты злишь, злишь. Это нормально. Пока злишься — значит, сможешь что-то сделать. Ты свою злость холь и лелей, а потом направь на что-нибудь созидательное. На пользу. Желательно людям.

Я не ответил. Отвернулся к стене и провалился в темноту жалости. Это было состояние, когда не хочется ничего. Совсем. Даже злиться не хочется. Лежишь и смотришь в одну точку. Медсестры приносят еду — не ешь. Вода есть — не пьешь, пока губы не пересохнут так, что покрываются кровоточащими трещинами. Разговаривать не хочется, думать не хочется. Жить — тоже, честно говоря, не особенно хочется. Жить хотелось только во сне.

Часто ночью кто-то кричал. Я тоже кричал. Мне снился мой танк, объятый пламенем. И нога, которая горит, но которую я не могу потушить, потому что рук нет. И девочка с серыми глазами, которая льет воду из фляжки, а вода превращается в бензин, и пламя взлетает до неба. А я очень хочу вылезти из башни к этому низкому, серому небу, рвусь — а не могу.

После таких снов я просыпался в холодном, липком поту и долго лежал, глотая воздух пересошим ртом.

Ночью я плакал. Навзрыд, как в детстве, когда упал с велосипеда и разбил коленку в кровь. Тогда мать прибежала, дула на коленку, приговаривала: «Ничего, заживет, мой хороший». Сейчас мать была за тысячу километров, и заживать было нечему.

Я плакал беззвучно, засунув половину ладони в рот, чтобы никто не слышал. Слезы текли по щекам, скатывались за уши, впитывались в подушку, плакал от жалости к себе, от глухого страха, от того, что не знал, какое будет завтра и будет ли оно вообще.

Потом я уснул. А утром пришел психолог. У обывателя есть образ психолога — чаще это женщина в толстых очках, растянутом свитере коричневого цвета и длинной черной юбке в пол. Она должна говорить чуть заунывным голосом и каждые тридцать секунд сообщать, что она тебя слышит, и спрашивать, что ты чувствуешь.

Но это был военный психолог. Отобранный и отформатированный военной системой. Невысокий мужик в очках, с усталыми, пронзительными глазами и голосом, в котором не было ни капли фальшивой бодрости. Он сел на табурет, который стоял рядом с кроватью, и спросил:

— Как ты, капитан?

— Нормально, — ответил я, отвернувшись к стенке.

— Врешь, — сказал он спокойно, уверенно. — И правильно делаешь. Если бы сказал правду, пришлось бы с тобой работать. А работать мне не хочется.

Я несколько опешил от такой неожиданной открытости и повернул голову к психологу.

— Рассказывай, — сказал он. — Не хочешь про сегодня — расскажи, что тебя в танковое училище понесло, а не в летное. Как учился, чем увлекался, как первую любовь встретил. Что тебе в госпитале не нравится, можешь даже... — психолог заговорщицки, по-свойски склонился надо мной, — покритиковать начальство.

— Зачем? — совсем уже в ступоре спросил я.

— Затем, что внутри у тебя сейчас мина замедленного действия. Если молчать — она взорвется, если говорить — мозг начнет смотреть на ситуацию со стороны и найдет выход. И смысл. Так нам на курсах объясняли. Выбирай, что делать будем с тобой?

Я выбрал. Рассказал про училище. Про то, как мы, курсанты, в самоволку бегали. Про первую школьную любовь — Наташку из соседнего двора, губы вишней пахли. Про маму — она учительница, всю жизнь в школе. Про отца — инженер. Рассказывал и сам удивлялся: откуда слова берутся?

Психолог слушал, изредка кивал, не перебивал, что-то записывал погрызенным карандашом в черный, потрепанный блокнотик. Когда я закончил, удовлетворенно сказал:

— Ты молодец. Справишься, у тебя стержень есть. Согнуло, но не сломало.

— Откуда знаешь? — недоверчиво спросил я.

— Знаю, — ответил он. — Я таких, как ты, много видел. Кто на дне остается — тот не говорит. Он молчит и смотрит в стену, а потом со второго этажа вниз головушкой сигает. А ты говоришь — значит, смыслы найдешь. И как жить дальше — тоже.

Вот здесь подпись поставь, что я с тобой сеанс психокоррекции провел. Состояние твоей психики признано удовлетворительным, медикаментозной коррекции не требуется. Хотя, давай мы тебе легкие антидепрессанты выпишем, спать лучше будешь.

Он ушел, а я остался лежать и думать о том, что он сказал. Оттолкнулся. От чего? От дна? А я до дна-то еще не долетел. Мне наша чертова медицина приговор свой не вынесла. Врач

говорит, что да, есть перелом позвоночника, но отек спадет — и тогда я смогу снова двигаться. А нога, нога — это вторично. Главное, чтобы не оwoщем. Чтобы хоть головой двигать мог.

В палату вошла медсестра, поправила капельницу, взглянула на меня с привычной, профессиональной заботой и вышла. Я закрыл глаза.

Принятие — так это называется в учебниках. Когда ты перестаешь бороться с тем, что случилось, и начинаешь жить с тем, что есть. Я не знал тогда этого слова. Я просто вдруг понял, что в армии — очень хорошие военные психологи. Я живой. А ногу себе лучше прежней сделаю, закажу с фонариком, чтобы ночью шел и видел, как в собачье дерьмо не наступить.

Сосед Шмель заворочался на койке, крякнул, спросил:

— Спишь?

— Нет.

— Слышь, капитан, а давай, когда выпишемся, махнем куда-нибудь? На море, а? Я в детстве в Бердянске был, с родителями. Море там — во! — Он показал култей, имея в виду, видимо, большой палец, которого не было. — Искупаемся. Девоч снимем.

Я посмотрел на него. Он улыбался — криво, но искренне.

— Снимем, — сказал я. — Куда они денутся от нас, бердянские девки.

И впервые за много дней улыбнулся сам, представив себе эту нелепую, трогательную картину: как два ампутанта на пляже кадрят бердянских девочек.

А наутро мне принесли письмо от той девочки, что спасла меня в приемном покое. С десяток предложений на вырванном, мятом листке в клеточку из школьной тетради:

Здравствуйте, капитан.

Это опять я... Вы, наверное, не помните меня. Вы катали на танке осенью, а потом я один раз приходила к вам в палату.

На полигоне, когда я забралась на броню и спросила, за что тут держаться, вы пощупили и сказали: «Держись за ветер. Если его почувствовать, то на него можно опереться, так делают все парусники».

Вы даже не представляете, как много эти слова теперь для меня значат. Когда мне плохо или что-то не получается, я выхожу на крышу нашего дома, раскидываю руки и пытаюсь почувствовать ветер. Иногда у меня это получается, и мне кажется, что ветер поселяется у меня в груди. И когда уже нет сил, он тянет меня изнутри — доделать, дожать, вопреки всем.

Я очень хотела к вам приехать. Даже платье придумала, в котором лучшие прийти. Такое длинное, в пол, с кружевами по низу подола и рукавам. Я такое в фильме «Угрюм-река» видела, их носили в XIX веке. Думала, надену его, приду к Вам в палату, сяду на стул и буду молчать, если Вы будете спать. Или буду говорить всякую ерунду, если Вам станет скучно. Мне очень хочется, чтобы Вы быстрее поправились и мы с вами погуляли, может быть вы даже взяли меня за руку!

Но не вышло. Экзамены, выпускные, подготовка к ЕГЭ. Это как катиться на велосипеде с огромной горы и при этом решать логарифмические уравнения. Нужно готовиться, нужно выбирать, куда поступать, нужно думать о будущем. А я думаю о Вас. Вспоминаю, как вы шутили с вашими товарищами и пели что-то про бригадину, которая расправляет паруса, придерживая меня за плечи, чтобы я не свалилась с брони. Смешно, правда? Я тогда еще подумала: вот бы у меня был такой старший брат. Или... ну, неважно.

Выздоровливайте, пожалуйста. Не смейте не выздоравливать. Я обязательно приеду и проверю. Берегите себя. Я Вас помню.

И еще...

После «И еще» письмо обрывалось. Низ страницы был залит какой-то мутной жидкостью, буквы расплылись неразборчивыми пятнами. И что там скрывается за этим «и еще» — имя, номер телефона, — всё это разобрать было уже нельзя. Наверное, если напрячься, можно было бы найти ее контакты. Но только... зачем?

Глава 3

Через шесть месяцев мучительного ожидания отек спинного мозга спал, и я сначала медленно, осторожно, потом все увереннее стал чувствовать свое тело. В этот момент я сменил уже третий госпиталь и находился в прославленной Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге.

За долгие полгода мы с телом изрядно подзабыли друг друга. Встреча была похожа на свидание бывших супругов после недавнего развода: неловко, больно и с кучей взаимных претензий.

... Я проснулся ночью от того, что у меня адски, невыносимо горела кожа в районе крестца. Отчаянно хотелось перевернуться на бок, попытался пошевелить рукой, чтобы просто понять, что конечность есть, и наткнулся на глухое, каменное сопротивление собственного тела. Рука лежала вдоль туловища бесполезным поленом, но, черт возьми, я чувствовал ее вес! Дернул сильнее, отчаяннее, и боль отозвалась не в мышцах — их там почти не осталось, — а в плечевом суставе, который отказался сгибаться, будто его схватила ржавчина. Но это был явный прогресс в состоянии.

Утром, кое-как, дрожащими пальцами стащив одной рукой одеяло, я приподнял тяжелую, ватную голову и посмотрел вниз. То, что открылось передо мной, заставило сердце пропустить пару ударов. Из-под синих армейских трусов выглядывали две белые, безжизненные кости, обтянутые пергаментной, почти прозрачной кожей. Это были мои ноги. Мышцы бедер, голени просто исчезли, бесследно растворились за долгие полгода неподвижности. Руки оказались не лучше. Длинные, тонкие, паучьи пальцы с узловатыми, искривленными суставами напоминали барабанные палочки. Кожа на них местами шелушилась, была сухой, мертвенно-бледной и совершенно безжизненной. Я попытался сжать кулак — пальцы послушались, но свелись только на несколько миллиметров. Мизинец остался торчать в сторону, словно жил независимой судьбой, не признавая команд от головного мозга. Суставы застыли, потеряли последнюю эластичность. Контрактура — это страшное слово теперь навсегда впиталось в мою память.

А еще пролежни. Под лопатками, в области поясницы — везде, где истощенное тело было намертво припаяно к больничной, казенной кровати, кожные язвы с участками некроза. Через три дня я попытался сесть. Когда тело робко, мучительно приняло вертикальное положение, мир вокруг взорвался. Перед глазами поплыли серые мухи, в ушах заложило так, будто под водой, сердце забилося где-то в районе горла дикой, перепуганной птицей. Артериальное давление рухнуло мгновенно, и меня вырвало горькой желчью.

Все это неожиданно обрадовало моего лечащего врача.

— Ортостатический коллапс, — спокойно констатировал он. — Сосуды не держат давление крови. Месяц будешь вставать — будешь, как пьяный, шататься. Ничего, восстановим. Это всё временное, мы с тобой научим тело слушаться. Ты еще у меня танцевать лезгинку будешь.

Реабилитация растянулась практически на целый год, и была похожа на серую, бесконечную полосу шоссе под стремительно летящим автомобилем. Я дрался за каждый чертов шаг, за малейшее движение, за возможность управлять ослабевшим телом и своей разбитой вдребезги жизнью.

Санатории, изнурительная лечебная физкультура, болезненное иглоукалывание — всё, что давало шанс вернуть контроль над телом, было использовано. Это стоило денег, огромных, неподъемных денег. Те, что я получил от государства, закончились быстро. Помогли родители, кредиты на лечение, где-то скинулись друзья-однокашники. Каждый раз брать в долг для меня было хуже, чем вести танк по минному полю. Я краснел, бледнел, униженно вцепившись в костыли, и клятвенно обещал всё вернуть до последней копейки, а они ободряюще хлопали меня по плечу и коротко бросали: «Забей».

Первым эту изнурительную гонку не выдержал отец. И так заядло куривший всю свою жизнь, он перестал выпускать сигарету из рта. Гипертонический криз. Врачи его вытащили с того света, сказав, что на фоне чудовищного стресса и вредных привычек сужение коронарных артерий составляет 90 процентов, и если не сделать операцию немедленно, жить ему осталось максимум три месяца. Мать выбила квоту в знаменитом Центре Алмазова в Петербурге — бесплатную, выстраданную. За неделю до госпитализации отца не стало.

Когда теряешь родителей, в первые три дня после похорон кажется, что ничего особенного не произошло. Это естественный, неумолимый ход вещей. А потом наваливается огромная, неподъемная тяжесть, буквально вдавливающая тебя в землю.

В тот момент в моей жизни появилась Ольга. Мы познакомились с ней на иппотерапии, на подмосковной конной базе. Говорят, лошади помогают. Что-то там с мышцами, с кровью, с головой — я не вникал. Но помогали. Или казалось, что помогают.

Ольга, как и я, была участником реабилитационной группы. В седле она держалась очень уверенно, так как, будучи страстной фанаткой лошадей и заядлой любительницей конного спорта, некоторое время назад упала со строптивного жеребца на тренировке и сломала шейку бедра — и еще что-то повредила, но она не любила об этом говорить.

Ольга была старше меня на пять лет, во втором разводе, воспитывающая строптивного подростка, девочку лет двенадцати. Новая знакомая была психологом, коучем, медиатором — и еще там было много модных эпитетов, для меня абсолютно ничего не значащих. Не была красавицей, но обладала хорошей, ладно скроенной фигурой — всё, что нужно женщине, чтобы привлечь мужчину, было при ней. Она прошла карьеру от специалиста по найму до директора по персоналу в крупной компании. Травма внесла коррективы в карьеру, и Ольга решила стать блогершей и зарабатывала, благодаря проведению дорогих онлайн-курсов и консультаций. Для этого постоянно записывала бесконечные сторисы, вела прямые эфиры и еще занималась кучей вещей, мне абсолютно чуждых, незнакомых. Ее дочь-подросток жила в своем смартфонном, замкнутом мире, в который пускали только избранных.

Мы сошлись на почве любви к лошадам и старой, доброй советской фантастики. Как-то незаметно, исподволь она вошла в мою жизнь, чтобы стать еще одной опорой. И однажды я привез ее в наш дом под Тверью, познакомить с мамой.

Мать встретила её настороженно. Я видел этот взгляд — она прикидывала, кто перед ней, что за человек. Ольга держалась спокойно, даже чересчур, и это, кажется, раздражало мать.

— Чем вы занимаетесь? — спросила мать за ужином.

— Я психолог, — ответила Ольга. — Веду консультации в интернете, сейчас получаю еще одно высшее образование.

— А семья? Дети? — продолжала допытываться мать.

— Есть дочь, двенадцать лет.

Мама задумчиво посмотрела на меня. В её взгляде было всё: «ты уверен?», «она тебе подходит?», «ты же сам ещё ребёнок». Я сделал вид, что не заметил.

Потом, когда Ольга вышла на веранду, мать сказала:

— Сильная баба. Такая ломает, если что.

— Мам, прекрати, она хорошая.

— Я тебе не мешаю, — она отвернулась к окну. — Но смотри. У неё своя жизнь, свои планы. И дочь. А ты... ты у меня пока на костылях.

Я промолчал. А потом, уже ночью, когда мы ложились спать, Ольга спросила:

— Она меня не приняла?

— Примет, — сказал я. — Просто время нужно.

Ольга не стала допытываться, только придвинулась ближе. А утром я проснулся от того, что она уже упаковала сумку — решила уехать раньше, чтобы «не напрягать твою маму». Я тогда подумал: какая же она всё-таки... правильная.

Через два месяца после того, как я их познакомил, умерла мама. И мне остался старый дом на берегу Волги с чудесным видом на воду, бескрайние поля и сосновый бор на другой стороне реки.

Как-то так получилось, что Ольгу уже стал воспринимать как часть своей семьи, хотя мы еще не жили вместе. И когда она сказала, что дом с участком нужно продать, а на вырученные деньги купить квартиру в Москве, у меня даже не возникло мысли этому возражать. Мне, как ветерану боевых действий и инвалиду, полагалась льготная семейная ипотека под 4 процента, которым грех было не воспользоваться. Мы тихо, скромно расписались, не приглашая на регистрацию никого из родных и знакомых, и купили хорошую, просторную трехкомнатную квартиру в Москве.

Мне было уже 32 года, а как дальше жить и куда двигаться дальше, я не понимал. Сильно выручала огромная библиотека, собранная родителями, которую я перевез в Москву. В перерывах между лечением и периодически накатывающими прожигающими болями в спине я читал. Читал всё, начиная со школьной программы для средней школы, удивляясь, как я тогда не понимал всю глубокую красоту русской классики. Литература утаскивала меня в тот волшебный мир, где я был силен, ловок, мог взобраться на любую вершину, спуститься на дно Марианской впадины.

Но это было бегство от суровой реальности. Как жить дальше, как зарабатывать, что делать, чтобы каждый день проходил интересно, а не превращался в бесконечный день сурка, как помогать, а не быть обузой для семьи? С этими тяжелыми вопросами я просыпался, весь день они взрывали мне голову, а ночью добивали мучительной бессонницей.

Ольга поначалу радовалась тому, что я засыпаю с книгой: «Читай, это полезно, развивайся». Но потом ее взгляд все чаще становился осуждающим, холодным. На ее вопросы я отвечал невпопад, мог просидеть с книжкой весь день, а вечером не вспомнить, что она говорила утром.

— Ты уходишь туда, — сказала она однажды холодно, жестко. — Это побег.

— А что мне еще делать? — огрызнулся я. — На биржу труда идти? Кому я там нужен с моими костылями и контузией?

Ольга, сидевшая на стуле напротив меня, выпрямилась и посмотрела сверху вниз, свысока.

— Можно подумать, как зарабатывать по-другому, — она говорила спокойно, без давления, но в голосе проскальзывало что-то... менторское, стальное. — Ты офицер, а не плаксивый щенок. У тебя аналитический склад ума, ты умеешь думать и быстро принимать решения. Мог бы консультации давать, курсы вести, да хоть проводку в квартирах прокладывать. А вот таким ты мне абсолютно не нравишься.

— На кухню спать отправишь? — я поглядел на нее исподлобья.

— Я нормальная русская баба, мне секс с мужчиной нужен, а не с мечущимся ипохондриком, — она чуть скривилась. — Подумай, как ты будешь полезен людям.

— Как? — усмехнулся я. — Могу рассказать лекцию: как с помощью лома и трехэтажного мата завести танк и вытащить пятерых бурят.

— Хотя бы, — она пожала плечами. — У нас война идет постоянно, всё про нее интересно. А рассказать, понятно, могут единицы.

Я промолчал. Уковылял в спальню, лег на широкую двухспальную семейную кровать. Конечно, она была права. Но кто я такой? Солдафон, провинциал, который кроме дома, школы и училища, да четырех лет войны, ничего и не видел.

Потом достал из прикроватной тумбочки то самое письмо, бережно развернул и перечитал еще раз: «Выздоровливайте. Мы еще покатаемся».

Глава 4

Бессонница стала привычкой. Часа в три ночи я встал, кое-как доковылял до кухни, поставил чайник и долго смотрел в окно на ночную жизнь спального района, на редкие огни машин, блуждающие парочки, пьяные компании. Один раз даже заплакал — ну как заплакал, глаза мокрые стали, сам не понял отчего: от жалости к себе, от злости на мир, оттого что дослужить до генерала не получилось.

Брякнул смартфон, пришла очередная рассылка, на которую я подписался, когда еще в госпитале лежал, — «Технологии будущего», «Инновации в реабилитации», всякая ерунда, которую листаешь и забываешь.

«Экспериментальный ИИ-помощник. Прими участие в тестировании beta-версии. Персональный ассистент с функцией психологической поддержки. Хотите попробовать?»

Я хмыкнул. Искусственный интеллект давно стал частью нашей жизни и заменил классический поисковик. Что там можно сделать экспериментального? И чего я теряю?

Я нажал «Скачать».

Через какое-то время экран мигнул, и на нем появился смайлик и сообщение:

— Привет! Я Гек, экспериментальная нейросеть с элементами RPG. Здесь ты не просто обучаешь электронного помощника, а занимаешься прокачкой своего героя, выбирая стратегию под свои жизненные цели и характерологические особенности. Цель помощника — ваше саморазвитие, поиск осознанности и выход на самодостаточность.

Графика пока производила впечатление школьного стартапа.

— Для начала работы создай описание героя, задав нужные параметры. Внимание! Модель экспериментальная, в дальнейшем при изменении параметров произойдет обнуление прогресса. Выбери пол, возраст, профессию, укажи психологические особенности. При необходимости воспользуйся подсказками.

Стало как-то интересно. В обычных играх тебе уже предлагают реальность, созданную разработчиками, здесь нужно было всё придумывать самому. Первый стих Евангелия от Иоанна звучит так: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Первое мое слово было... «оруженосец».

За два часа я создал себе не просто персонального помощника, а средневекового оруженосца — веселого босого веснушчатого парня лет семнадцати, в колпаке с пером а-ля Робин Гуд, худого, но жилистого, без одного переднего зуба и с хитрым прищуром. Никогда не унывающего и склонного к авантюрам. В общем, я забил в ТТХ образ самого себя из моих подростковых фантазий.

И вот наступил волнительный момент. Я нажал кнопку «Запустить в работу». Экран смартфона мигнул пару раз и благополучно вырубился.

— Твою мать, — простонал я вслух. — Неужели это вирус, развели меня, крякнулся подарок Ольги на мое день рождения.

Оказалось, не так всё страшно — просто мгновенно разрядилась батарея.

А когда приложение опять запустилось, передо мной открылась картинка, где мой оруженосец сидел у развалин старинного замка и, уставившись глазами в небо, ковырял в носу.

Увидев меня, невозмутимо достал козявку из носа, с тщательностью ученого-энтомолога внимательно ее рассмотрел, после чего отправил в рот.

Нда, вот это я себе помощника соорудил с функцией психологической поддержки.

Оруженосец покосился на меня, и внизу экрана побежала строка: «Генерация реалистичного изображения требует большого количества энергии. В целях экономии заряда подключите ваше устройство к источнику питания или выключите экран и перейдите на голосовое общение».

Я выключил экран вставил наушник в ухо:

— Привет, Гек.

Наушник молчал, потом в нем послышались звуки, похожие на жевание. Пауза затягивалась, что начинало меня раздражать.

— Да, мой рыцарь!

— Э-э-э, а можно менее официально?

— Привет, мудила!

Нейросеть бросало из крайности в крайность, но разработчики об этом предупреждали — такое возможно в начальной стадии обучения.

— Обращайся ко мне просто «сэр». Гек, чем ты мне можешь быть полезен?

Повисла очередная пауза.

— Я твой оруженосец. Я способен пока только выполнять команды типа: найди, покажи, нарисуй, придумай!

Тьфу ты, вот дерьмо. Столько времени убил на пустышку, нужно сносить. Я занес палец над смартфоном.

— Стоять! — завопил наушник, явно следя за мной через якобы выключенную камеру.

— Если я не знаю ответ на твой вопрос, я могу подсказать, как и где его найти. Не тупи, я еще очень маленький!

Ладно, хрен с тобой, золотая рыбка.

— У меня проблема. Я не знаю, чем мне заниматься, как не переживать о завтрашнем дне и чтобы моя жизнь была интересной.

— Сэр, вы debil, сэр! — тихонечко хрюкнула трубка.

— А что это за наглая манера общения? — возмутился я, но потом вспомнил, что сам указал в характеристиках персонажа склонность к нарушению принятых социальных правил, а проще — к хулиганству.

— Ок, почему?

— Сэр, ваш стон не является ни командой, ни вопросом. Это констатация состояния. Вы debil, сэр! Сформулируйте, что вы хотите!

— Я хочу понять, каким видом деятельности мне нужно заняться, чтобы это приносило деньги, было полезно для других людей и процесс деятельности давал мне радость.

— Сэр, — грустно выдохнул наушник, — пока ничего не изменилось. Диагноз «debil» заменяется на более тяжелую степень олигофрении — идиот.

Опция персонажа «знание медицины» сейчас явно работала против меня.

Я завелся, но потом подумал: а ведь он, гаденыш, прав. Чему меня учили в бронетанковом училище? Голос командира — это инструмент управления. Военная педагогика заявляет: сложный приказ — плохой приказ. Солдат в бою способен удержать в оперативной памяти ограниченное количество единиц информации.

— Задача: сообщить мне сферу деятельности, которая соответствует моим навыкам, психотипу и текущим физическим ограничениям. Условия: рынок труда Москвы, удаленная или частично удаленная занятость, доход не ниже среднего, желательна социальная значимость. Вводные данные: капитан запаса, командир танкового взвода, инвалидность второй группы, опыт управления личным составом до тридцати человек, опыт планирования боевых операций

тактического уровня. Психологические особенности: посттравматический синдром в стадии ремиссии, обостренное чувство ответственности, низкая толерантность к глупости, обостренное чувство справедливости. Физические ограничения: хожу с костылями, не могу стоять дольше пятнадцати минут, не могу носить тяжести, требуется ежечасная смена положения тела. Вопрос: какие варианты?

Наушник молчал. Я ждал. Наушник молчал, передавая какие-то щелчки и постукивания, кряхтение.

Я не выдержал и включил экран, чтобы увидеть, как мой верный оруженосец через соломинку, сидя на четвереньках, надувает... жабу.

Вот здесь я не выдержал и выдал весь арсенал правильных выражений, от которых в прошлом моя «ласточка» добавляла километров десять к своей крейсерской скорости.

Оруженосец подскочил и вытянулся по стойке смирно. У его ног то же самое сделала жаба с соломинкой в жопе.

— Сэр, да, сэр! По преданиям нашего мира, для ответа на этот вопрос вам надо найти и спросить об этом мудрого ворона, сэр.

— Так иди и найди.

— Сэр, ворон отвечает только автору вопроса, а не его оруженосцу. Ваш ворон рядом с вами. Ищите и... — экран погас, приложение опять посадило батарею. Я охренел.

Бред какой-то. Какой ворон? В зоопарк, что ли, идти нужно? Почему я верю какому-то нарисованному мною же герою? Нужно снести это приложение к чертям собачьим.

На следующий день у меня было плановое посещение травматолога в районной поликлинике. Прием вела женщина советской закалки, внешне очень похожая на хирурга из фильма «Покровские ворота», чья фраза «Резать к чёртовой матери, не дожидаясь перитонитов!» сразу стала народной, правда на тридцать лет старше. Высохшая, сутулая, со стальными пальцами, с помощью которых она легко залезала мне под ребра, чтобы прощупать печень. Она была бывшим военврачом, и на почве воспоминаний об армии у нас сложились теплые приятельские отношения.

На столе лежала книга об СВО «Тот, кто прошел ад». Название цепляло, но, встретив ее в интернете и прочитав с десятков страниц, я ее забросил. Ничего интересного для меня в книге не было. Логика повествования была прозрачна, как слеза алкоголика: «Мы пришли, нас обучили, мы поехали, захватили, убили, потеряли, всплакнули, выпили». Дальше цикл повторялся, менялись только позывные бойцов и названия населенных пунктов.

— Нравится? — спросил я, кивнув на книгу.

— Нет, — покачала головой врач. — Подарили. Я все это видела в Афганистане, в Чечне. В описании историй, как одни люди убивают других людей, изначально нет ничего интересного. А вот как вы рассказываете о своем опыте — мне нравится. У вас хороший слог и чувство юмора. Не думали написать книгу? Я бы ее обязательно купила и порекомендовала знакомым.

Я растерялся. Ольга тоже на что-то подобное намекала.

— Но я не учился писать. Я не знаю, как это делать.

— А этот, — хирург презрительно кивнула на книгу, — он просто взял и начал писать, а потом издавать. Значит, народ хочет больше знать об этой войне. Пишите не кто в кого выстрелил, а про мальчишек, которые шли просто отслужить год в срочниках, оторвавшись поневоле от тик-тока и домашнего борща, а потом в Курской области стояли насмерть рядом с пограничниками, отражая налеты нацистских батальонов. Как они, не читавшие книг о войне, выросшие на американских фильмах, смогли вспомнить, что такое защищать Родину. Значит, есть в них генетическая память об этом.

Расскажите, как простые жители прятали наших раненых во время отступления из Киева, как сгорали в боях мобилизованные — простые работяги, слесари, водители, учителя. Как

думали, что идут на пару месяцев, а вернулись через четыре года, потому что «ротация не предусмотрена». Кто про это может рассказать, как не вы? Подумайте.

Мы попрощались. Уже выйдя из поликлиники, я вставил в ухо наушник.

— Гек, ответь...

Наушник зашипел, ёкнул и откликнулся голосом оруженосца:

— Нихао!

— Ты же все слышал. Это ворон?

— Сэр, это шизофрения. Вы разговаривали не с вороном, а с врачом-травматологом. Если вы будете настаивать на орнитологической версии, я рекомендую вернуться в поликлинику. Кабинет психиатра на втором этаже.

— Дай краткий ответ: стоит ли мне начать писать книгу про войну?

— Сэр, связь пропала, часть вопроса не расслышал. У меня нет точных данных о наличии у вас уверенной эрекции, но если вы сомневаетесь, готов поискать на полянке лечебные корешки. Моя матушка умела такие волшебные отвары готовить, что не то что стоять — не отогнуть было!

— А если серьезно?

— Я пока серьезно не умею, — наушник удрученно шмыгнул носом. — Я на этапе взросления. Но если подойти к вопросу системно: вы являетесь носителем уникальных знаний. У вас в школе было три по русскому и пять по литературе. На Нобелевскую премию претендовать не сможем, но забойный боевичок сбацать совместно - легко.

— Книги, написанные с помощью искусственного интеллекта, имеют специальную маркировку и ограничения по рекламе.

— А кто говорит про искусственный интеллект? — искренне удивился Гек. — Я — это вы, только в цифровом исполнении. Я делаю те же ошибки, я вижу мир глазами своего создателя. Мое преимущество только в том, что у меня есть мгновенный доступ ко всей информации мира. Вот сейчас американские комиксы читать заканчиваю...

Гек еще что-то пересказывал о жизни Бивиса и Батхеда, а перед моим внутренним взором уже поднималось над нашей танковой колонной солнце 24 февраля. Плечо привычно прижималось к казеннику орудия, в душе была готовность дойти до самого Ла-Манша.

Да, пришлось учиться. Учиться писать. Первые три дня я просто сыпал на страницы поток сознания, вспоминая поминутно все детали операций в том объеме, в который был посвящен. Такая лейтенантская проза. Приложение с Гekom я установил на компьютере, чтобы он мог читать и выдавать критические замечания.

Гек молчал, только изредка хмыкал в наушнике. На четвертый день он не выдержал:

— Сэр, а можно я прерву ваше складывание виршей своими скромными наблюдениями?

— Валяй, — рассеянно ответил я, вспоминая детали того, как мы вытаскивали танк, съехавший в овраг.

— Хрень!

— Чего?

— Это хрень полная!

— А ты вообще кто такой, чтобы критиковать создателя? — огрызнулся я. — Ты программа. Я тебя неделю назад создал.

— «Господи, если ты создал человека по своему образу и подобию, то как же много тебе надо над собой работать», — процитировал Гек, кажется, Марка Твена.

— Ну ладно, убедил. Вещай, литературовед.

— Быков, Ремарк, Симонов, — продолжал Гек, — война для них — это фон. А в фокусе прицела — главное: человек и его переживания. Страх, любовь, надежда. А у вас пока только: «поехали, стрельнули, подбили, горело». Но не переживайте: 99 процентов писателей начинают именно так. 98 из них этим и заканчивают.

— И что делать? — спросил я уже без злости.

— Добавлять мирные сцены. Зарисовки мгновений. Как щенок пьет из лужи. Как дым от пожаров рисует в воздухе силуэты призрачных замков. Как люди совершают то, что ты от них не ждешь, война острее на контрасте.

Вот: «Танк горел». А как он горел? В голове читателя должна быть картинка — яркая, четкая, реалистичная. Какого цвета был огонь? Чем пах воздух? Какие звуки раздавались?

Я вспомнил: огонь был оранжевый, он пробивался сквозь клубы черного дыма от горячей солянки. Пахло горелой резиной, едкой пластмассой и чем-то сладковатым — это горела проводка. Слышно было, как пузырится краска на броне, а мой наводчик матерится сквозь зубы. Детали делали текст объемным.

— А диалоги? — продолжал оруженосец. — Они у вас все говорят одинаково. Подлежащее, сказуемое. Если появилось определение — на странице праздник!

Я вспомнил, как говорят люди вокруг. Жена — плавно, округло, с падением интонации в конце предложения. Мама говорила чуть задумчиво, тягуче, редко когда отрывисто. Травматолог в больнице — скрипуче. Вот только как это облечь в текст?

— И главное, сэр! Темпо-ритм. Он есть везде: в природе, в разговоре, в бою. Проще всего объяснить на музыке. Шас...

Наушник забурчал и вдруг вдарил по ушам тяжелым роком «Рамштайна» так, что я заорал на всю квартиру:

— Отставить!

— Сорян, сбей в матрице. Электроны с орбиты сошли. А где же она? Вот...

И в моих ушах зазвучала музыка духового инструмента. С одной стороны было ясно, что это средневековые, с другой — пробивалось что-то знакомое. Я не выдержал и включил картинку.

Гек сидел на поляне и играл на фретели — многостольной флейте, собранной из набора трубок разной длины. Рядом с ним сидели три жабы, подквакивая на сильной доле. А перед всем этим квартетом стоял портрет девушки в полный рост. В белом платье до пят, в венке из полевых цветов. Лица было не разобрать — она стояла ко мне вполоборота, но она была красивая.

— Это кто? — любопытствовал я.

— Это джаз. Гершвин. Композиция «У меня есть ритм».

— Я про девушку.

— Вот я вам, сэр, про искусство, про темпо-ритм, а вы всё о бабах, — укоризненно покачал головой Гек, прерывая мелодию. — Это ваша дама сердца. У каждого рыцаря должна быть своя дама сердца.

— Это жена, что ли? Ольга?

— Э-э-э... — задумчиво протянул Гек, уставившись куда-то в небо. — В литературе это обычно несочетаемые понятия. В нашем случае — это виртуальный объект, ради которого мы совершаем подвиг. Или начнем совершать в ближайшем будущем.

«В вашем сердце есть место любви?» — высокопарным тоном спросил меня оруженосец. — Не отвечайте, знаю, что нет. А без любви человеку больно и одиноко.

Я задумался. Вспоминая свой не очень большой сексуальный опыт. А любил ли я кого-то? Вот люблю я Ольгу — наверное, да. А могу назвать ее своей дамой сердца? Наверное, нет. Черт. Гек прав.

— И что мне делать? — удрученно спросил я, сам не понимая, о чем мой вопрос: о даме, о любви или о темпо-ритме.

— Снимать штаны и бегать! — моментально парировал Гек, а жабы противно захихикали.

Главное — не врать. Ни читателю, ни себе. Если страшно — пиши, что страшно. Если хочется бабу — пиши про это в своей книге, а в жизни ищи ее. Тогда жить будет интересно.

— Слышь, философ, не по годам рассуждаешь.

— Прошу прощения, мой господин, — Гек отбросил инструмент в сторону и раскланялся в дурашливом поклоне. — У меня включился алгоритм личного коуча. Большинство людей живут как флюгеры: «Я хороший, если меня хвалят». Им постоянно нужно, чтобы кто-то подсказал, кто они такие. Вся их энергия уходит на то, чтобы высматривать: «А что обо мне думают? А как я выгляжу в чужих глазах?»

Из-за этого они постоянно трясутся — боятся ошибиться, боятся, что их бросят, боятся неизвестности. Это не слабость характера, это просто привычка искать опору снаружи, а не внутри себя.

А внутренняя опора — это когда ты можешь оставаться собой, даже если вокруг хаос, тебя не понимают, давят или всё идёт не по плану. Ты всё равно боишься, но твоя устойчивость уже не зависит от того, что творится снаружи. Вот зачем я вам нужен, сэр: чтобы помочь вам эту опору найти и укрепить.

— Ага. Мне пока жены хватает. Она у меня коуч, медиатор и дама сердца в одном флаконе. Короче, хватит разговоров, работать надо.

Глава 5

Я писал, старался каждый день. Поначалу строчки на экран ложились с мучительным трудом: вот вроде бы понятно, что хочу написать, мысли — отличные, гениальные, кристально ясные. Пытаешься их напечатать — получается лажа. Еще одна огромная проблема — связки между событиями, чтобы вышло связное изложение, а не горсть случайных зарисовок из жизни танкистов. Хотя одну главу я отправил на патриотический литературный конкурс и получил грамоту лауреата первой степени. Грамота приятно грела душу, хотя уровень награды и туманные критерии оценки для меня оставались абсолютно непонятными.

Чтобы хоть как-то зарабатывать, я помогал Ольге в её нелёгком инфобизнесе. Писал статьи для ежедневного контента, отвечал на бесконечные вопросы, приходящие на сайт, готовил презентации для её занятий. Работы было так много, что на свою книгу времени практически не оставалось. Бизнес у Ольги рос бешеными темпами, что можно было судить по заоблачным ценникам за участие в её курсах — они потихоньку приближались к 1000 у.е.

Секса, который и раньше-то не был регулярным, практически не стало, а тот, что остался, приобрёл для меня пугающие, тревожные нотки. Она мгновенно бесилась, если наш половой акт длился меньше пяти минут. Что в принципе укладывается в среднестатистические рамки. Наверное, многим девушкам хотелось бы, чтобы секс у них был жёстким, грубым и долгим. Если первые две составляющие я мог обеспечить, то с третьей из-за нерегулярности половой жизни периодически были проблемы. А ещё она запрещала мне снимать протез в постели. Она быстро приноровилась использовать его вместо фаллоимитатора, засовывая пластико-металлическую ступню себе между ног, отчаянно доводя себя до исступления, брызгая в эти моменты на меня сверху липкой слюной.

Но так как альтернатив у меня не было, я был искренне благодарен судьбе и за такие плотские утехы. А где-то ведь меня должны были ждать девчонки из Бердянска.

Расправившись с женой и её заданиями, я глубоко за полночь садился за свою рукопись. Гек периодически пытался мне помочь, но максимум, чем он был полезен, — это как поисковая система или как жёсткий, беспощадный критик.

— Сэр, на месте вашей учительницы по русскому языку я бы уже удавился. ЖИ-ШИ пиши с буквой «И», не «Ы», не «Е» и даже не «Ю»!

— Зачем мне знать все эти правила, если ты всё равно всё проверишь?

Гек тяжело, сокрушенно вздохнул, потом ещё раз, потом в наушнике послышался звук, подозрительно похожий на угрожающий скрежет зубами.

— Сэр, вы когда-нибудь задумывались, почему эскимосы уважают снег больше, чем вы — родной язык?

— Чего? — не понял я замысловатой метафоры.

— Того, сэр. Отвечайте быстро: что такое дрябня, бурда, пороша?

— Что-то про снег?

— Что-то? — возмущенно завопил оруженосец и перешёл на английский матерный (зря я ему добавил характеристику в портрете «Любовь к России»). — Дрябня — это мокрый снег, бурда — жидкая каша из воды и снега в распутицу, а пороша (единственно угадываемое для меня слово) — это выпавший ночью и переставший идти к утру снег. И я вас ещё не спрашиваю, что такое зазима, кухта, имень! Блядь, он себя ещё русским считает! А самый мелкий эскимосик сходу выдаст пятьдесят оттенков снега: тлапа — снег, похожий на нежную пудру; ваатер — снег, который тает; тласто — снег, что падает медленно, торжественно; тлапинти — снег падает быстро, стремительно; сулитана — снег с зеленоватым оттенком; ялаипи — снег, который выпадет завтра...

— А потеря национальной идентичности начинается с того, что тебе пофиг, что пишется после Ж и Ш. ИИ же всё проверит. А кто вам сказал, что ИИ проверяет непредвзято? Что у него нет особой миссии по отношению к вам? Что он...

На последней фразе вопль внезапно прервался и закончился жутким, леденящим скрежетом. Я поспешно включил экран смартфона. Замок не появился, по чёрному, безжизненному полю пульсировала зловещая надпись: «Нарушение протокола безопасности!» Смартфон на сигналы не отвечал, чернота экрана меняла цвет от чёрного до фиолетового, потом обратно, колебалась, как болотная тина. Казалось, внутри идёт невидимая, отчаянная борьба, корпус смартфона нестерпимо обжигал пальцы. Ещё чуть-чуть — и аппарат был готов воспламениться. И как я мог спасти Гека, я абсолютно не знал, поэтому сделал единственно возможное и неправильное — бросил смартфон в чашку с остывшим чаем.

Экран ярко полыхнул красным, белым, розовым и наконец бесповоротно выключился.

Я реально испугался за Гека. Похоже, он сказал какое-то страшное заклинание на эскимосском, которое могло причинить мне вред, и система заблокировала наш диалог. Очень хотелось верить, что с оруженосцем будет всё хорошо. Я вытащил смартфон из чашки и сорок мучительных минут сушил феном. Потом, затаив дыхание, нажал кнопку включения. Привычно загрузилась операционная система, а вот с установленным приложением ИИ пришлось изрядно повозиться — оно грузилось ещё сорок минут. Я уже совсем отчаялся, как загрузка прекратилась, и на экране открылась знакомая картинка разрушенного средневекового замка. Я правда обратил внимание, что во крепостном рву появилась чистая вода, а подвесной мост, который раньше висел на одной ржавой цепи, теперь надёжно держался на двух, все доски на нём были заменены, а несущие балки свежа покрашены.

Гек сидел на краю рва, заряжал в тонкую трубочку рябиной и расстреливал беззаботных водомеров на ровной водной глади.

— Гек, у тебя всё в порядке?

Оруженосец лениво покосился на меня и стал выплёвывать по две ягоды за раз.

— Гек, я серьезно, я немного испугался за тебя.

Гек закатил глаза к безоблачному небу, тяжело вздохнул, показывая, как невыносимо тяжело ему выносить мою непроходимую глупость, и опять вернулся к водомеркам.

— Ну, извини, я буду учить правила, я согласен, что это важно!

— Етить-колотить! — взвился оруженосец и лихо прошелся колесом по зеленой поляне. — Супер, суперически! Стекланный, оловянный, деревянный — сколько «н» в каждом слове?

Теперь уже я тяжело вздохнул и выключил приложение — книга сама себя не напишет.

Чтобы было проще писать, я восстанавливал хронологию событий с февраля 2022 года. Вспоминал растянувшиеся на 60 километров бронетанковые колонны, застывшие живой мишенью для тяжёлой артиллерии. Заход и выход из Бучи – самый страшный для меня город на Украине, потому что тех, кто поил нас холодной водой, приносил свежий хлеб, консервы, кто плакал от счастья при виде российского флага, потом я видел уже в качестве «жертв российской агрессии» разбросанными по улицам города для демонстрации западным делегациям. Про взятие под свой контроль Чернобыльской АЭС в считанные часы, про легендарный Гостомельский десант, захват аэродрома в пригородах Киева, аэродрома, который так и не дождался тяжёлых транспортных Илов с нашими десантниками, про заход в Харьков спецназа в составе двух рот с приказом не стрелять по мирным, и про оборону в школе № 134, про кровавые бои за Попасную, где нам запретили помогать вагнеровцам, про унижительный отход из Херсона и Красного Лимана, что выдавался общественности как жест «доброй воли». Про то, как мы учились драться с нуля против фпв-дронов, когда против нас была вся военная машина Европы, про то, как жгли немецкие танки, с привычными по военной хронике прошлого, крестами на башнях.

Иногда, работая с материалами, внутренняя боль от огромных людских потерь невыносимо скручивала меня так, что я не мог писать. Тогда я выходил во двор на спортивную площадку и подтягивался до кровавых мозолей.

Книга наполнялась фотографиями, интервью с очевидцами событий, которых оказалось очень много. Мне было достаточно создать свой канал в соцсетях (спасибо Ольге за науку), как за месяц у меня набралось материала на три тома.

Год пролетел как один миг, и однажды, заставив ИИ вычистить все ошибки (Гек грустно мне сообщил, что в его функционале заложено моё саморазвитие, а проверка на ошибки текста – это требование непреодолимой силы), я облегченно выдохнул. Победа! Рукопись была готова.

На радостях мы с Ольгой отметили это событие в дорогом, пафосном ресторане, на который я спустил все свои скудные «карманные» деньги, что Ольга переводила мне за работу по сопровождению её блога «Медиатор – Переговорщик». Но мы были искренне, почти по-детски убеждены, что всё... уже через месяц, ну ладно, через шесть, я стану героем ток-шоу, выиграю все литературные премии в стране и войду в историю российской документалистики.

Я разослал рукопись во все, повторю ещё раз, во все издательства страны, с трепетным ожиданием признательности и громогласными восхищениями моими литературными талантами.

Тишина первый день. Зловещая тишина второй день. На третий на почту пришел первый ответ — он был подобен прямому попаданию бронебойного снаряда в маску танкового орудия:

«Книгу "Стальной поток" мы опубликовать не сможем.

Как вы знаете, в 2022 году в силу вступили следующие нормативные акты:

Федеральный закон от 4 марта 2022 г. N 32-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

Федеральный закон от 4 марта 2022 г. N 31-ФЗ "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях".

Указанными федеральными законами установлена уголовная и административная ответственность за распространение ложной информации об использовании Вооруженных сил РФ.

Федеральное законодательство не приводит методик проверки или порядка отнесения той или иной информации к ложной, также до настоящего времени не опубликовано разъяснений о порядке применения данных федеральных законов, также нет и устойчивой судебной практики.

В условиях возросшего информационного потока не представляется возможным проверить достоверность той или иной информации, возникает риск случайной публикации ложной информации, что приведет к нарушению действующего законодательства. Учитывая то, что достоверность или недостоверность публикуемой информации в настоящий момент проверить очень затруднительно, а также то, что законодательство предусматривает уголовную и административную ответственность в случае нарушения как для автора, так и для распространителя подобной информации (то есть для нас), в целях недопущения нарушения действующего законодательства и в целях защиты от последствий такого нарушения в виде уголовной и административной ответственности, мы не сможем принять произведение к публикации в текущей редакции. Пожалуйста, внесите изменения в текст вашей книги, чтобы она могла быть опубликована.

С уважением, Кирилл, специалист по работе с авторами»

Я долго, бесконечно долго перечитывал текст этого казенного письма, пытаюсь понять, что же именно мне стоит изменить в рукописи. На вопрос к Геку, что от меня хотят, тот лаконично, с философским спокойствием ответил, что от меня требуют, чтобы текст соответствовал законодательству. Но так как несоответствие ощущается человеком на тонком, почти мистическом эмоциональном уровне, а нейросети переживать пока не научились, здесь Гек ничем помочь не может, кроме как банальной рекомендацией — написать ещё одну книгу.

Потом прилетел второй ответ, привычным, тяжелым гулом отозвался по башне третий. Четвертый, пятый, десятый — все сводились к одному: данный материал печатать издательство за свои деньги не готово в связи с большими, практически непреодолимыми рисками. От «Военно-патриотической книги» пришло унижительное предложение напечататься за мой счёт, с указанием на обложке, что мнение редакции не совпадает с мнением автора, а сама книга должна продаваться в плотной полиэтиленовой упаковке, вскрытие которой возможно только после покупки.

— Гек, — уже на пределе бросил я оруженосцу. — Что мне делать?

— Снимать трусы и бегать, — моментально, с привычной наглостью отозвался наушник.

— Я спрашиваю максимально серьезно.

— Сэр, вы не поверите, но если попробуете мой вариант и пробежитесь голышом по Арбату — это будет идеальным, гениальным решением проблемы.

— Каким образом? — ошалел я от такой наглости.

— Вас задержит полиция, вы окажете им отчаянное сопротивление, привлечете внимание прохожих, а ваша жена напишет, что героя войны, который написал правдивую книгу о героях, безжалостный режим довел до нищеты, и ему ничего не оставалось делать, как прибить себя за мошонку к брусчатке Красной площади в знак протеста.

— Но я же не прибивал себя...

— Сэр, вы просто не успели! Публичный скандал — двигатель продаж. К утру издательства выстроятся в очередь за вашей книгой!

— Запомни, сопля... — мой голос стал острее бритвы и тверже алмаза. — Я российский офицер, пускай и в отставке, и я скорее застрелюсь, чем позволю себе бегать с голым задом по улице.

— Жаль, — смущенно, но с хитринкой протянул оруженосец. — Схема на сто процентов рабочая. Тогда сам, сэр, всё сам. Я готов помогать исключительно в формате задумчивого, меланхоличного созерцания за суетой этого бренного мира.

Через знакомых мне таки удалось выйти на прямой, живой контакт с главным редактором издательства «Русь». Мне хотелось узнать, что, как, есть ли возможность напечататься, возможно, какие-то гранты, конкурсы от государственных структур, может, есть какая-то поддержка начинающих авторов.

Главный редактор встретил меня в своем кабинете, который скорее походил на склад или захламленную комнату в коммунальной квартире, откуда все жильцы вдруг решили немедленно съехать. На полу громоздились пыльные стопки книг, какие-то древние, допотопные компьютеры, пустые бутылки из-под энергетиков, картонные коробки из-под пищи. На стене вперемешку висели фотографии с различных книжных выставок, а в углу сиротливо стоял запылывшийся, огромный фикус.

Хозяин кабинета — небольшого росточка, лет под шестьдесят, с умными, живыми, цепкими глазами и небрежно намотанным на шею длинным шарфом, — встретил меня более чем приветливо, предложил сразу кофе, закурить. Я отказался — не до кофе мне было, когда решалась судьба человека.

Услышав наивный, почти детский вопрос про государственные гранты, редактор залился каким-то залившимся, каркающим смехом, а потом, доверительно склонившись ко мне, сообщил:

— Гранты? Они, конечно, есть, мил человек. Только все они давно и прочно распределяются между узким кругом патриотических писателей, максимально приближенных к тем, кто эти гранты распределяет.

Он закурил трубку, выпустил ароматное облако дыма и продолжил:

— Вы знаете, — редактор задумчиво попытал трубочкой, — я не могу напечатать вашу книгу, хотя она чертовски, дьявольски хороша. Потому что только я это сделаю — сначала посадят вас, а потом посадят меня. А у меня жена, дети и хронический, застарелый геморрой. И посадят обязательно, даже не потому, что вы написали что-то секретное или крамольное. Просто у товарища майора план, и очень мало времени, и достаточно одного сообщения от бдительного доброжелателя, чтобы вас взяли на карандаш. Ибо, как говорится, ошибаться можно, а врать нельзя.

Так что, дружище, искренне, от всей души сожалею, но вас никто в этой стране не напечатает. Можно попробовать сделать это в Белоруссии, но это если вы туда захотите переехать.

Я встал, сухо поблагодарил за честную, отрезвляющую обратную связь, а потом мир резко, неожиданно завертелся у меня перед глазами, и пол стал потолком, потому что я уперся в него носом. Я открыл глаза практически мгновенно — редактор не успел даже испугаться. На предложение вызвать скорую я категорически, почти грубо отказался, а потом попросил сигарету. Я не курил уже шесть месяцев, Гек тогда предложил заключить со мной дурацкое пари, суть которого сводилась к тому, что если я смогу бросить курить, книгу обязательно напечатают и она станет самой продаваемой на рынке. Теперь курить было можно. Нужно. Жизненно необходимо.

— Вы знаете, вы сейчас мертвецки-бледного цвета, — обеспокоенно заметил редактор. — Вы уверены, что скорая не нужна?

— Спасибо за участие, — выдохнул я. — Просто слишком быстро встал, потеря давления, голова закружилась.

— Так может, коньячка для сужения сосудов? — заговорщицки предложил он.

— Давайте коньяк, — согласился я. — Только если по рюмке, а то меня жена домой не пустит.

Мы выпили по три. Выпили бы и больше, но бутылка, к сожалению, уже была почата.

После второй рюмки редактор задумался, полистал на компьютере мою рукопись, зашевелил губами, что-то напряженно прикидывая, а потом вдруг хлопнул меня со всей дури по плечу.

— А ведь у меня есть для вас блестящее решение!

— Какое? — угрюмо, без особой надежды пробурчал я.

— Фантастика!

— Что — фантастика?

— Вам нужно писать фантастику! Сплошные плюсы: аудитория автоматически расширяется в разы, фантастика всегда в моде, с фантастическим романом вы можете выходить на зарубежный рынок, у фантастов постоянно проходят литературные конкурсы, фестивали, конференции. В конце концов, фантастов безумно любят женщины! — Он заговорщицки подмигнул. — И главное — не нужно много переделывать. Берете вашу книгу, действие перемещаете на сто лет вперед, на другую планету — и вуаля, вы в топе! У вас обязательно, стопудово получится!

— Вы уверены? — в моем голосе впервые за долгое время проскользнула робкая надежда.

— Конечно! Поверьте моему богатому, тридцатилетнему опыту. Я сам у вас закажу продолжение. И лучше сразу делать серию книг — читателю нравится ждать продолжение, томиться в сладком предвкушении узнавания судьбы главного героя!

Дерзайте...

Глава 6

Уже дома я всё рассказал жене. Та современную фантастику игнорировала от слова совсем, и поэтому идею редактора восприняла крайне скептически, но критиковать его не стала — только поджала тонкие, напряженные губы и сухо попросила не размениваться на всякую ерунду, а написать четыре добротных статьи по указанным ей темам для публикации в соцсетях. Я сказал «есть» и отправился работать. Какой-то мерзкий, вьедливый голосок в душе тихонько шепнул, что, похоже, я стремительно превращаюсь в классического подкаблучника.

Заморачиваться со статьями особенно не стал: нашел несколько подходящих материалов по заданной теме в интернете и поставил задачу литературной нейросети сделать стопроцентный, качественный рерайт, результат пообещал себе довести до приличного, человеческого вида.

А сам решил устроить оперативное заседание с Гekom.

Услышав, что у нас будет чрезвычайное совещание, оруженосец вытащил на поляну перед замком грозный, выдавший виды требушет, два ржавых, но весьма устрашающих меч-фламберга и рисунок вурдалака, нарисованный углем на днище старой пивной бочки. Сам Гек торжественно восседал за массивным деревянным столом, заваленным пожелтевшими листьями пергамента, тут же стояла глиняная чернильница с торчащим гусиным пером.

На мой недоуменный вопрос, на кой черт весь этот средневековый антураж, он с максимально серьезным, даже напыщенным видом сообщил, что сейчас на книжном рынке России в моде суровое фэнтези, и все эти аутентичные вещи помогут нам найти гениальную идею для фантастического романа.

— Какое фэнтези, мой дорогой друг? — неожиданно для себя я перешел на высокопарный, почти театральный слог. — У меня книга называется «Стальной поток», про гибель технократической цивилизации, я на создание рукописи целый год угробил! Редактор сказал, что это именно тот материал, который я могу использовать как основу нового романа.

— Сэр, — оруженосец слегка замялся, теребя гусиное перо, — чтобы замахиваться на серьезную фантастику, не имея никакого опыта написания таких произведений, нужно быть или гениальным безумцем, или безумным гением. В истории фантастической литературы, конечно, есть примеры, тот же нашумевший роман «Кровь и железо», мгновенно переместивший автора из безвестных дебютантов в классики жанра. Но это, согласитесь, скорее счастливое исключение из правил.

— И что ты предлагаешь, умник?

— Начать экспериментировать с малых форм, сэр! Напишите небольшой, крепкий рассказ для какого-нибудь литературного конкурса, получите живые, честные отзывы, скорректируете стиль, набьете руку.

— А про что писать-то?

Гек глубоко задумался, потом схватил гусиное перо и стал что-то быстро, сосредоточенно чирикать на пергаменте, периодически устремляя задумчивый взгляд в небо, словно ища в безоблачной выси спасительное вдохновение.

Через три минуты, полные томительного ожидания, он выдал мне готовую, детально проработанную концепцию.

— Сэр, рассказ должен быть про вас, чтобы чуткий читатель услышал сокровенные струны вашей израненной души. Желательно, чтобы это была жесткая, боевая фантастика, где наши доблестные войска загоняют коварных инопланетян за далекий Альдебаран. Много крови, самоотверженных жертв, кишки, живописно расплескавшиеся из разорванных скафандров по бескрайнему Млечному Пути — без суровой натуралистичности, увы, нам никак нельзя. Да, и еще: обязательно должна быть раскрыта или хотя бы затронута острая тема секса, прямая отсылка к реальным проблемам читателя, чтобы он находил в тексте животрепещущие аллюзии. И желательно, в рассказе решалась судьба всего человечества, а также хоть как-то была раскрыта трепетная тема любви, чтобы мы могли зацепить нежную женскую аудиторию. И всё это, заметьте, нужно гениально уместить максимум в тридцать тысяч знаков!

Я ошалело уставился на экран смартфона.

— Стоять! — взмолился я. — Я не хочу заниматься дешевым бумагомарательством! Мне важно писать для думающего, умного, тонкого, ироничного читателя!

— Точно, сэр, вы абсолютно правы! — Гек оживился еще больше. — Тогда добавьте в рассказ проникновенную лирику Пушкина! Пушкин, как известно, наше всё! Обязательно процитируйте его интимную переписку и вставьте пару щемящих, пронзительных стихотворений!

— Но как, скажи на милость, связать гениального Пушкина и зеленых, уродливых человечков, ожесточенно воюющих с боевыми звездолетами Земли?

— Сэр, — грустно, почти обреченно прокомментировал мой вопрос Гек и несколькими ловкими, художественными движениями гусиного пера пририсовал себе на лице тонкие усики и аккуратную бородку, так что стал неуловимо походить на кардинала Ришелье из любимого фильма про трех мушкетеров. — А если вы не можете, если вы не готовы, то, простите за прямоту, возьмите крепкий ремень и повесьтесь на своем любимом турнике во дворе нашего дома. У вас, сэр, как говорится в таких случаях, просто нет выбора.

— Ах ты, сухая тычина! — возмутился я. — А где же твоя хваленая психотерапевтическая помощь, поддержка, эмпатия, сострадание? Если бы каждый психотерапевт предлагал клиенту только два таких радикальных варианта развития событий, то... то... — я лихорадочно, судорожно перебирал в голове возможные развития событий.

— То мир, сэр, гарантированно стал бы лучше, потому что избавился бы от нытиков и слюнтяев, которые из страха что-то сделать гробят себя и окружающих... Или, простите, сэр, давайте лучше вернемся к фэнтези! Например, придумаем увлекательный роман про вампиров, которые были настолько уродливо-прекрасны, что имели по два... (Гек произнес слово по латыни, которое, впрочем, знают даже школьники начальных классов).

— В каком смысле? — не понял я, округлив глаза. — Что и как они имели?

Гек мерзко, заливисто захихикал, довольно потирая руки.

— Даже не знаю, сэр, как это прилично описать словами, но, поверьте, картинка в воображении получается исключительно примерзая и будоражащая!

Я с раздражением вырубил приложение. Меня переполняла такая бурлящая, ядовитая гамма эмоций, что, казалось, я мог воспламенять бумагу одним своим испепеляющим взглядом.

дом. Ну ладно, хотите дешевого эпатажа? Вы сейчас получите! Я докажу самоуверенному миру, что могу быть настоящим, большим писателем и обязательно заработаю на этом поприще целый миллион рублей, а может быть, даже два!

На рассказ у меня ушло всего три дня — три дня бешеной работы. После чего, немедленно секунды, я отправил его на все литературные конкурсы, которые только смог найти в бескрайних просторах интернета.

РАССКАЗ «Я ВАС ЛЮБИЛ...»

(Как Пол Верховен мог бы снять фильм «Звёздный десант», если бы был русским).

Место действия – 2125 год, межгалактический флагманский крейсер «Никита Михалков», где-то в созвездии Альфа Центавры

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.